

Работа над ошибками

Звонков Андрей

Андрей Звонков

Работа над ошибками

«Автор»

2019

Звонков А.

Работа над ошибками / А. Звонков — «Автор», 2019

Фантастика, альтернативная история, антиутопия и приключения шестилетнего мальчика. Успешный бизнесмен меняет реальность, пытаясь избавиться от кошмаров. Врач «скорой» хочет помочь попавшему в «жернова системы» другу. «В новой России старикам, иждивенцам и не вписавшимся в рынок нет места», но любовь к родителям не позволяет отдать престарелых в приют. И кто-то мстит умело и тонко, убивая избежавших возмездия чиновников, виновных в массовых убийствах стариков. Журналисты мстителя окрестили "Ворошиловский стрелок", но есть ли он на самом деле? На обложке стоковый образец фотошопа — «Человек на дороге».

© Звонков А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

БИБЛИОГРАФИЯ	5
1	6
2	17
3	21
4	26
5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Андрей Звонков

Работа над ошибками

БИБЛИОГРАФИЯ

ВОРОЖЕЯ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ АТРЕЛЛЫ
Я ОСТАЮСЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ!
АНАЛИЗЫ
ПОКА ЕДЕТ СКОРАЯ
НИКТО, КРОМЕ ВАС
НЕ ВРЕМЯ УМИРАТЬ
ЧУМНОЙ ПОЕЗД
СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВЫЗОВ
РАБОТА НАД ОШИБКАМИ
КОГДА СПЯЩИЙ ПРОСНЕТСЯ
ГЕРОЙ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ
ПРОЕКТ А.К.С.О.Н.
КРОВАВЫЙ КОКТЕЙЛЬ
ПОКА ЕДЕТ СКОРАЯ 2-е издание
ДУРА ЛЕКС
Времена не выбирают
В них живут и умирают...
А. Кушнер

1

Юра откупорил бутылку коньяка, уверенно и точно разлил по рюмкам.

– По двадцать пять! А там посмотрим.

Я не возражал. Пью, не потому что нравится, а потому что надо.

Мы стояли на кухне, обсуждая трудную ситуацию, в которую он попал по вине своего языка. С одной стороны, вроде бы все понятно. Да, совершил глупость. Надо было промолчать. Отшутиться. А он блеснул хорошим знанием латыни. Теперь клянет себя, а что толку? Дело в прокуратуре. Юрку отстранили от выездной работы, и, пока идет следствие, он сидит в архиве станции «Скорой помощи», сортирует карты, лишившись солидной надбавки к зарплате за выездную работу врача.

Я приехал, чтобы поддержать и хоть немного утешить друга. Привез бутылку «Восьмилетнего» коньяка. Не самый дорогой, но вполне себе приличный. Мы с Юриком его распробовали еще в студенчестве и, баловали себя «нектаром богов» по мнению Виктора Гюго, когда нам позволяли финансы. Дорогие КВ, ОС, VSOP или XO нам не по карману, дешевые подделки брать – печень жалко, а этот ординарный, но весьма неплохой коньяк, нам в самый раз.

Не присаживались мы совсем не потому, что «гусары и врачи пьют стоя», а потому что, в ожидании супруги, Юрка взялся варить гречневую кашу и караулил ее над плитой, чтобы выключить, сразу через три минуты после начала кипения и немедленно накрыть кастрюльку толстой ватной куклой-бабой, какую использовали обычно для заваривания чая. По мнению Юриной жены, Светланы, так гречка сохраняла все витамины и пользу.

– Когда назначили суд? – спросил я.

Юра поставил бутылку на стол, поднял пузатый коньячный бокал и посмотрел сквозь него на потолочный светильник.

– Чтобы видеть будущее в золоте, смотри на жизнь сквозь бокал коньяка, – невпопад произнес он переиначенную фразу Атоса из «Трех мушкетеров». – Потому что шамбертена у нас нет. Леша, суд через пять дней. Завтра еще один поход к следователю, очная ставка с истцами. Давай выпьем, чтобы все обошлось. Я уже знаю, что она мне потом, с глазу на глаз, скажет опять. «Юрий Александрович, от вашей лояльности зависит дальнейшая судьба. Напишите докладную еще на трех ваших знакомых или соседей о выявленных гражданских нарушениях, и суд вам значительно скостит наказание, могут до минимума – штраф и общественное порицание. Есть неофициальная директива правительства для бдительных граждан, сотрудничающих с госорганами».

Садиться мне не хотелось, потому что киберсют, из которого я не вылезал уже весь день, заметив, что я мало двигаюсь включил электромассаж пассивных мышц, и стоя эту пытку было переносить легче, чем сидя.

Мы выпили, закусили дольками лимона. Молчали. Потому что говорить было нечего. Мне очень хотелось найти хоть какие-то слова ободрения для него, но коньяк не помог. Не сразу помог. Легкость мышления возникла постепенно. Юра взялся помешивать гречку, прежде чем укутать кастрюльку. А я произнес:

– То, что писать не хочешь – похвально, но глупо. Все пишут. Фигню всякую формальную пишут. Ну, ладно, не все, но уже никто никого не осуждает за это. Потому что все это лапша. Ты видел, чтобы кто-то реально из-за этих писулек пострадал?

– А не надо, чтобы страдали, – Юрка налил еще по двадцать пять, – Некоторым доставляет удовольствие держать подчиненных за яйца... Согласись, это намного выгоднее, чем всех запугивать.

– Это верно. А ты, хочешь пойти поперек системы? Знаешь, наверное, самое страшное, что тебя ждет – отстранение от выездной работы на три месяца. Это можно пережить.

Юрка кивнул. Говорить ему не хотелось. Сама мысль, что его – врача скорой, мечтавшего после обязательной трехлетней отработки, получить направление в ординатуру по хирургии, еще три месяца заставят сидеть в архиве или лечебном отделе вместе с беременными и пенсионерами, повергала в уныние. Но пережить это можно. Это не потеря специальности, диплома. Правда, перспектива получить ординатуру отодвигалась на неопределенный срок. От того и не сходила маска уныния с его лица.

Он отошел от плиты и, направившись к санузелу, повернулся ко мне.

– Горыныч наш, наверное, уже всем плешь проел, рассказывая о том, какую допустил я дурость?

– Было, – согласился я. – сам понимаешь, случай показательный. Любой заведующий так поступит. Кто мог подумать, что безобидный перевод фразы на бумажке обернется таким грандиозным скандалом? Горыныч твердит: «Клиент должен получать медуслуги согласно стандартам и прейскуранту. Не ему платить, а фонду ОМС, значит, ничего с клиентом не обсуждаете. Никаких лишних разговоров. Ваше дело – обслуживать ДК и вводить то, что вам выдает МК!»

– Правильно, – кивнул Юрка, – наш удел, это быть обезьяной с чемоданом. Чем меньше думаешь, тем меньше проблем. Не выходи за рамки инструкции, и не будешь ни в чем виноват.

Он попрыгал у двери туалета.

– Извини, очень надо.

Я кивнул. Садиться мне не хотелось, потому что киберсыют, из которого я не вылезал уже весь день, заметив, что я мало двигаюсь, включил электромассаж, и стоя эту пытку было переносить легче, чем сидя.

Графеновый комбез обеспечивал и охлаждение и вентиляцию и, если понадобится – защиту от различных ударов, что особенно полезно на улице, когда не хочется ждать, пока в меня врежется какой-нибудь зазевавшийся курьер на электросамокате или сигвее. Искусственный интеллект, управлявший киберсьютом, имел имя Зуд.

Чтобы Юрке был слышен мой голос, я произнес как можно громче:

– Тебе еще налить? – Я не любитель надираться, но сейчас случай особый, а первые двадцать пять миллилитров отличного коньяка для здоровых мужчин – это даже не терапевтическая доза, так, дегустация. Юру надо ушатать немного, я вижу, что его вся эта ситуация морально очень сильно истощила. Вряд ли он запыет, ума и выдержки нам хватает, но ничто не проходит бесследно особенно для нервной системы.

Юра отворил дверь санузла и вышел в коридор, но не успел ответить.

Раздался оглушительный треск. Входную дверь вдруг сорвало с петель, пыль облаком закрыла коридор. В квартиру разом ворвались люди в камуфляже и масках, с оружием. Дверь Юру шмякнула по спине, и он упал. Люди пробежались по двери, дико орали:

– Всем лечь! Работает СОБР!

Я не успел поставить рюмки на стол, стоял столбом, пока их не выбили у меня из рук и мощный удар прикладом в плечо не заставил упасть на пол кухни ничком. От травмы уберег мгновенно отвердевший графен киберсьюта.

Юркина голова виднелась из-под сорванной зарядом железной двери. Он вообще там жив? В сознании? Я ни о чем не мог думать. На голову Юры вертанулась с плиты кастрюлька с горячей кашей, он вскрикнул и зашипел от боли.

Живой!

Нас рывком подняли на ноги, заломили руки за спину и сковали пластиковыми стяжками.

– Кто из вас Свиридов? – раздался голос, по-видимому, командира группы.

– Я, – сдавленно отозвался Юра. – Я Свиридов. Кто вы? Что вам нужно?

– Вы арестованы.

Эта фраза прозвучала ровно, обыденно. Командир группы стянул с головы балаклаву. Мужчина с ранней сединой, средних лет, жесткое немного прямоугольное лицо с глубокими складками в углах рта, серые глаза без намека на сочувствие. Да и с какой стати? Что мы ему? Что он нам? Как выразился принц датский Гамлет.

Нас подняли на ноги. После осмотра квартиры, путы срезали. Мою личную карту и лицензию на киберсьют тоже проверили. Как средство индивидуальной безопасности, ведь он по команде «скат» может так жახнуть током, мало не покажется.

Начальник группы положил на стол две визитки.

– Все вопросы к следователю, – прервал он мою попытку хоть что-то выяснить, – звоните завтра с девяти до пяти. А это круглосуточный ремонт железных дверей.

– За чей счет? – осведомился я, не надеясь на ответ.

Командир, выходя последним, только коротко глянул, и в этом ледяном взгляде читалось очень ясно. За свой.

Я остался ждать Юркину жену и подбирать слова, чтобы объяснить и Юркино отсутствие, и разгром в квартире, и стоящую в общем коридоре выбитую дверь. Электронному замку каюк.

Светлана села на пол, выйдя из лифта. Она поняла, что Юрку взяли, и минут пять я ее отпаивал водой и коньяком. Объяснил ей, как мог.

Она переделалась, потому что дома в уличном комбинезоне жарко, и сразу кинулась звонить нашему скоропомощному адвокату Хазину. Голос ее срывался на рыдания, но коньяк немного помог, и она сумела объяснить, что Юру арестовали, но за что?

Я смотрел на ее фигуру в домашнем халатике и думал, что жизнь вынудила женщин перейти на более практичную комбинированную одежду заодно стимулировав их еще больше уделять внимания внешнему виду, благо технически это теперь стало намного проще.

В «Спорт-мастере» широченный выбор легких и недорогих киберсьютов для похудения и набора мышечной массы. Электростимуляторы работая по индивидуальным программам это делают за полгода, максимум за год, превращая любую жиробасину в атлета.

Все, что требуется – купить самую недорогую модель киберсьюта и не снимая его даже на сон, проносить год. Более продвинутые модели делают еще и вакуумный LPG-массаж. У дешевых киберсьютов есть одна беда – быстро ломаются, рвутся проводники, поэтому все дилеры одновременно обеспечивают и бесплатный ремонт в течение гарантийного срока.

Так что встретить сейчас на улице женщину с целлюлитом на боках и спине или брюха-того пивного бочонка стало намного сложнее. Если человек хочет выглядеть подтянуто и спортивно, он может это сделать не нарядясь, за те же деньги, что отдал бы фитнес заах. Большинство взрослых людей на улице теперь подтянутые и сексапильные. Мужики в этом отношении инертнее женщин. Но мода на красивые фигуры, здоровье берет свое и в их среде. Фетишисты со своей страстью к облегающим одеждам оказались в заднице. Кто хочет быть здоровым и красивым плюет на условности и начинает носить костюмы в обтяжку какое-то время, потом привыкает.

Все начиналось в двухтысячных с небольшой фирмы «Нейромионикс», которая разрабатывала алгоритмы для процессоров киберсьютов и еще немного их шила под заказ. Сами костюмы при этом ориентировали на спорт и виртуальную реальность.

В тридцатых годах на идею общего миостимулятора с обратной связью обратили внимание китайские концерны, и за пару лет наводнили рынок относительно недорогими кибер-сютами для медицины, спорта, косметологии, охраны и спецслужб.

Нейромионикс успела защитить свои разработки и продолжила выпуск под заказ элитных дорогих моделей из особых материалов, типа биополимеров и графена, сделав акцент не только на электромассаж, но и на безопасность.

Такая модель у меня, но программу ей писал я сам. И плевать, что мы такие выглядим, как робокобы. Здоровье и жизнь важнее.

Главный прорыв случился, когда кто-то в правительстве пролоббировал законопроект о финансовой поддержке всех, кто заботится о воем здоровье, включая и приобретение кибер-сютов, а не только посещение фитнес-залов. Спецслужбы неофициально поддерживали эту идею, потому что забить электронику этой шкуры различными подслушивалками и геотрекерами очень просто. На благо пользователя. В каждом процессоре костюма есть контролер состояния работы сердца и дыхания, так что если не дай бог что... киберсют сам и «скорую» вызовет и сердце током простимулирует и полицию вызовет.

Светка – не исключение, тоже накопила на киберсют, но сейчас ей не до костюма. Она в отчаянии металась по квартире в ожидании адвоката.

Хазин вел все дела сотрудников «скорой», а их было немало. Арнольд Моисеевич весьма неплохо зарабатывал, особенно, если ему удавалась отбить скоропомощника у жаждущих крови родственников больного или погибшего. Отбить удавалось, но не всегда. Все медики застрахованы от ошибок в «обществе профессиональной защиты медработников», созданную в противовес «обществу защиты прациентов».

В случае с Юрой Хазин обещать ничего не стал, постарался «сделать все, что возможно».

Случай совершенно идиотский. Переругались родственники ракового больного между собой и с поликлиникой. На суде постоянно звучало, что «врач „скорой“ сказал». В результате частное отношение суда в администрацию Станции «Скорой» о разглашении сотрудником врачебной тайны и нарушение медицинской этики.

Юрку отстранили от выездной работы, хотя он написал в объяснительной, что его попросили всего лишь перевести с латыни фразу, которая означает «Рак желудка с удаленными метастазами». Он ничего не знал о больном родственнике этих сутяг. Он приезжал к одной из их бабулек и про этого ракового больного не слышал. Администрация СМП не имела права его сразу уволить, как бюджетника, обязанного отработать пять лет по распределению, ограничились переводом в архив – оператором на минимальную ставку.

Хазин на предварительном слушании спросил у свидетелей, которыми в «деле врача Свиридова» стали родственники-сутяги: «Откуда они взяли эту запись по латыни»? Те объяснили, что один из них подсмотрел эту надпись на служебном компьютере врача в одной частной клинике, где проходил обследование их больной родственник. А потом спросил у врача «скорой», тот ведь должен понимать, что написано по латыни?

Хазин спросил, а не мог ли этот любознательный гражданин осведомиться в интернете? И тот ответил, что мог бы конечно, но у врача надежнее. Ведь врач точно понимает латынь! Тут уж без ошибок!

Юра понимал. Он врач в третьем поколении. Он латынь выпит с молоком мамы – врача эпидемиолога. Он перевел. Вслух. А наш верный друг ДК-2М – диагностический комплекс «Амсат-корвет», потомок созданного когда-то комплекса «Ангел» весь его перевод зафиксировал, как и положено, ведь рабочая фонограмма ведется на каждом вызове, и, по сути, является электронным свидетелем того, что врач не отклоняется от стандарта лечения и протокола сбора данных. В «Деле врача Свиридова» рабочая запись ДК вошла в материалы обвинения. Адвокат убеждал супругов Свиридовых, что больше административного наказания Юру не ждет ничего. Ну, это всего лишь три месяца отстранения от выездной работы и штраф.

За что же его сейчас арестовали?

Адвокат Хазин примчался на роботакси, тут же требовал со Светланы оплатить его поездку в оба конца. Он тщательно выпрашивал, о чем мы болтали с Юркой тут, пока не ворвалась полиция? Со сканером прошелся по комнатам и, убедившись, что никакой аппаратуры прослушки нет, сел на кухне и попросил заварить чай. Пока закипал выключенный из экономии кулер, налил себе полный стакан коньяка, не спрашивая нашего согласия.

– Можно из пакетиков заварить или таблеточку концентрата, – согласился он на дешевый эконом-вариант чая. – Я уже с дороги позвонил следователю и выяснил, – он удрученно покачал головой. – Все осложнилось. Поступило новое заявление в прокуратуру.

– От кого? – удивилась Светлана. – Что еще нужно им всем?

Хазин выхлебнул полную рюмку коньяка, отдышался.

– Хороший! Кудряво живете, – он посмотрел на меня, – друга поддержать приехали?

Я кивнул.

– Им нужно то же что и всем нам – денег и побольше, – принялся рассказывать адвокат, – вся эта суета родни вокруг ракового больного, привела к тому, что они отказались от госпитализации в платный хоспис. По закону долечивание по уходу осуществляется частично за счет соцобеспечения, а в основном за счет собственности больного, переходящей хоспису. Вы слышали об этом законе? Приняли года три назад, в первом чтении. Уже активно работает. И хосписы растут как грибы. Это очень выгодное дело. Больной со своим имуществом берется под опеку и доживает в идеальных условиях без мучений и боли. Так вот, они, администрация хосписа, подали в прокуратуру заявление, что врач Свиридов своим объяснением нанес им ущерб на семь миллионов рублей, в которые оценивалась доля собственника – ракового больной в квартире, где он проживал с семьей. А семь миллионов это приравнено к хищению в особо крупном размере. Хоспис намерен требовать с вас этот убыток или не полученный доход, если правильно формулировать.

На площадку вывалились из лифта трое рабочих и без лишних слов взялись устанавливать дверь на место.

Света всплеснула руками.

– А Юра тут при чем? Почему все шишки ему?

– При том, что хозяева хосписа решили, что если бы не Юра, родня отдала бы им этого ракушника доживать свои пару месяцев, вместе с миллионами без сомнений.

– Откуда они узнали? – спросил я, – ведь это не обязательство. Родня имеет право оставить больного дома и обеспечить ему уход за свой счет.

Хазин кивнул и налил себе еще полную рюмку коньяка.

– Имеет. Формально. Но районный онколог в ожидании премии – отката от хосписа уже перевел наркотический лист туда. И когда родственники пришли в поликлинику за обезболивающими, им показали большую фигу. Мол, ваши наркотики уже в хосписе. Идите к ним. Там говорят – ничего не дадим, мы отвечаем за каждый блин пластыря и каждую ампулу, привозите сюда больного и оформляйте его собственность на нас. Родня скандалит, грозит судом и поликлинике с онкологом, которому естественно премия обломилась, весьма не кислая, и хоспису, который зажил на наркотики. В результате все скрипят зубами, но наркоту отдали, а злобу затаили. А когда родня начала судиться уже между собой, привлекая поликлинику в свидетели, то там узнали, что во всем виноват болтливый врач скорой Свиридов, поэтому сразу накатали заявление в комиссию ДЗМ по этике. А те в прокуратуру! Ну, поликлиника то ничего не может. Ей-то никакой корысти, онколог молчит в тряпочку – доход его неполученный явно левый, а вот хоспис пышет праведным гневом упущенной выгоды и жаждет крови виновного.

Светлана опять заревела, а я обнял ее и спросил:

– Почему его так странно арестовали? СОБР! Дверь вынесли! Могли бы просто вызвать в СК и там арестовать. Он же не бандит и не террорист.

Хазин опрокинул вторую рюмку, вытер слезы.

– Это по инструкции. Они так тренируются. Отрабатывают задержание, – адвокат нашел уцелевшее блюдо с дольками лимона, посыпанными сахарным песком, кинул одну в рот и зажевал коньяк. – Это не шутка. Это правда. Им нужны палки по проведенным операциям. За это «выездные» капают, как и вам. Нет выезда, нет надбавки. А кого они так берут с оружием террориста или врача «скорой» – их начальству нет разницы. «Деньги не пахнут», – процитировал Хазин какого-то римского сенатора, предложившего брать налоги с выгребных ям.

Он помолчал, подождал, пока Света успокоится.

– Послушайте. Все будет хорошо. Через три дня суд. Ничего ему не грозит. От претензий хосписа я отобьюсь. Все это пена. Вы только не суетитесь. Работайте. Деньги еще понадобятся. Посидит пару дней, чистая формальность. – Сообщил он и добавил, – Там сейчас неплохо кормят.

Вот если б он сказал, что денег больше не надо, я бы удивился!

Хазин поднялся и пошел на выход. Оглянулся на меня и чуть кивнул, «выйдем»!?

Я направился следом.

– Разве суд не через пять дней? – мне показалось, что Хазин перепутал дату суда.

У лифта он проговорил негромко.

– Я узнал кое-что. Кто-то там, – он поднял глаза к потолку, – хочет показательный процесс над врачом, который нарушил инструкцию. Сдвинули даты. Телевизионщики уже анонсируют про суд в новостях. Этот кто-то очень хочет по максимуму добиться наказания. На судью давят, на следователя тоже. Взятки давать никому и ни в коем случае нельзя. Они только и ждут, чтобы был еще повод усугубить. Все под контролем СМИ. Я ничего не могу гарантировать. Не сердитесь на меня. Если отделаемся условным сроком – это будет счастье. И я буду доволен. Могут Юру отправить на поселение года на три. Светлане этого пока говорить не надо. Я перед процессом сам ей все объясню, а пока разужнаю в деталях, что еще можно сделать. Есть ли условия для сделки с обвинением? Пока не вижу. Да, если ему предложат кого-то из начальства или коллег заложить – это надо сделать, за это ему скостят много.

Я ничего не ответил. Что тут скажешь? Попал Юрка в жернова, молись... в любом смысле.

Рабочие закончили восстанавливать дверь в проеме, подошли со сметой к хозяйке, но я перехватил бригадира. У Свиридовых с деньгами сейчас не густо. Юрка за месяц приносит пятую часть от обычной своей зарплаты, как прозвучало в старой комедии «Им и поплакать не на что », а Светкины деньги уходят на еду, квартплату и издержки адвоката, как сегодня. В квартире пахло свежей краской.

Я достал свою карту и оплатил работу. Трудяги собрали инструменты и ушли.

Мы посидели с Юркиной женой в тишине, молчали. Я не умею утешать, а после шепота Хазина у лифта, найти ободряющие слова стало совсем трудно.

Я сунул босые ноги в ботинки, подождал, пока они сами застегнутся и подключатся к Зуду, направился к выходу.

– Потерпи три дня. Он вернется. Это все какой-то абсурдный сон. Он обязательно кончится. Все наладится. Мы опять будем работать, как раньше, – ободряющие слова у меня кончились. – Хлопни коньяка и ложись спать.

Я вспомнил по гречку. Рассыпанную крупу я убрал, а новую не сварил. Светлана обернулась к столу. Бутылки на половину пустой на нем не было. Хазин унес или рабочие? Я склонился в сторону адвоката. Очень уж рьяно он потреблял его.

Мы поняли, что нас еще и обокрали. Но почему-то от этого факта дружно рассмеялись. Я вспомнил старинную мудрость, которую любил повторять отец Свиридова: «Плох тот врач, что сам покупает себе коньяк». Можно дополнить: плох тот адвокат, что не выпьет за счет клиента!

Я чмокнул Свету в щеку, прощаясь, и вышел вон. Дверь закрылась, мягко шелкнув замком. Рабочие хорошо знали свое дело. Будто и не выбивал СОБР притвор вместе с косяком.

К дому я направился пешком. По пути игнорировал машины каршеринга, подмигивающие фарами, мне таксиста вызывать ради трех кварталов?

Пройдусь и подумаю. На ходу всегда отлично думается.

Да, мы плохие врачи. Это факт. Не потому что плохо учились. Совсем нет. Потому что хорошие не нужны. Нужны послушные. Молчаливые знатоки инструкций и стандартов. Нужны врачи-лакеи, с полупоклоном, улыбкой и готовностью спросить: «чего изволите?». От нас не требуется глубоких знаний и умений. Манипуляции на уровне медсестер, в лучшем случае фельдшеров, умение пользоваться аппаратурой, сейчас объединенной в два комплекса: диагностический ДК-2М и лечебный – МК, соединенный с ним и представляющий автоматическое хранилище лекарств, перевязки, шприцев и прочих лечебных атрибутов. Все, что от нас требуется – наложить электроды, взять кровь и иные вещества для анализа, вставить в щель личную карту пациента, она же всеобщая личная карта «элька» – паспорт, хранилище информации о гражданине и ключ к доступу в единую базу данных госуслуг, поликлиники, банковским счетам и полису ФОМС. Если ДК потребует, нужно сходить в машину за новым девайсом, рентген-накидкой и с ее помощью получить скан внутренних органов и любой части тела.

Мою эльку я доставал сегодня вечером уже дважды. Один раз ее проверил СОБР, вместе с отпечатком пальца и второй раз, когда я оплачивал ремонт двери.

«Вы обезьяны с чемоданом!», – говорил Юркин отец.

Я не спорил, а Юру это заявление бесило. Он не хотел быть «обезьяной с чемоданом», он мечтал закончить ординатуру и занять свое место у хирургического стола. Три года он был членом СНО на кафедре хирургии. Но зав кафедрой ему намекнул, что единственное место в ординатуре будет отдано сыну декана лечебного факультета. И рассказал старый анекдот, как сын генерала спрашивает отца: «Пап, а я стану генералом? – Конечно, станешь, сынок, – отвечает отец-генерал. – А маршалом я когда-нибудь стану? – продолжает сын. – Нет, – вздыхает генерал, – не станешь никогда. – А почему? – удивляется парень. – Потому, что у маршала подрастает свой сынок, – отвечает папаша-генерал».

Я не строил иллюзий на свой счет и, конечно, переживал за друга, а когда нас обоих распределили на Московскую скорую, то попросил направить на одну подстанцию.

А потом наступил черный день, когда Юрка осиротел. Его родители погибли в автокатастрофе. Они ехали по туристическому маршруту, устроенному мэрией для пенсионеров и ветеранов труда. Юрка дежурил. Он не ждал от родителей звонка. Знал, что во время работы те ему не звонят. Утром вернулся домой, чтобы отоспаться. Об аварии под Владимиром он узнал из новостей, слушая телевизор, пока принимал душ. О том, что в том автобусе ехали его родители, он еще не знал. Позвонил им, уже забравшись под одеяло и предвкушая часа три спокойного сна. Трубку взял незнакомец и сообщил, что владелец аппарата погиб в аварии и родственнику нужно немедленно приехать в больничный морг небольшого районного центра для опознания тела, потому что...

Мне тяжело вспоминать те события, а уж каково Юрке было?

Особенно мне было трудно поделиться с ним соображением, что авария та произошла совсем не случайно.

В том автобусе вообще не было никого младше шестидесяти пяти. А те, кто выжил, все потом умерли довольно быстро. Кто-то от инфаркта или инсульта, кто-то не выбрался из наркоза после операции. Кто-то уже дома отошел, во сне.

Откуда мне это известно?

Я очень интересуюсь этой темой. Смертностью стариков. А точнее их не случайными смертями. Я интересуюсь этим очень осторожно. Не хочу, чтобы моё любопытство было заметно. И ни с кем этого не обсуждаю. Неслучайные «случайности».

Я не считаю аварию, в которой погибли Юрины родители случайной. Таких вот аварий за три года нашей работы на «скорой» в разных областях и республиках нашей страны я насчитал больше сотни. В них погибли около пяти тысяч стариков. О этом не сообщают в новостях. Если молодые или дети – да, на всю страну и собирают деньги потом на операции, а старики – кому нужны? Из семи массовых аварий, в которых погибли старики – это обычно паломнические поездки по святым местам или экскурсии, автобусы пять вел автомат и в двух в автобус врезался грузовик-автомат. Сбой программы, неправильно выбранный скоростной режим. Робот на несколько секунд отключается. Эксперты как правило, ничего не находят в программах. Объяснить причину сбоя не могут.

В масштабах страны пять тысяч – мелочь. Но именно в эти годы Думой был принят очередной закон о развитии паллиативной медицины и предпочтительном помещении пенсионеров в дома престарелых и тяжелых инвалидов в хосписы. Все это преподносилось как забота государства о стариках. По всем каналам крутят социальную рекламу о том, как чудесно живут в домах престарелых пенсионеры, а сериалы под заказ пережевывают тему скандалов в семьях между молодежью и стариками, и как все налаживается, когда старики в заботе о молодых уезжают доживать в приюты. Как сразу увеличивался приплод в семьях, капает материнский капитал, а счастливая жизнь в богадельнях преподносится, как настоящий долгожданный рай для инвалидов и пенсионеров. Веселые внуки навещают счастливых дедушек и бабушек в приютах.

Я своих не отдаю. Оба они на пенсии. Оба живут со мной. Мама и папа. Отец военный пенсионер, инвалид, мама учитель на пенсии. А я работаю. Каждый год по несколько раз приходят гонцы из префектуры с предложениями, моим родителям переехать в один из интернатов «Старая роза», которые принадлежат жене префекта нашего округа.

Я – врач «скорой» имею возможность собирать любую статистику, в том числе и по старикам, благодаря нашему ДК и большой базе данных департамента здравоохранения и министерства. Получить доступ и мне непросто, но возможно. Для того, кто знает как. Я знаю. Но о том, что я знаю – никто не знает. Я – обычный врач скорой. Не программист, не сисадмин. Никто не знает, что я айтишник – самоучка.

Мне надоело думать о странных преждевременных смертях стариков. Я перешел на бег, до дома оставалось километра три. Бегущий человек всегда возбуждает подозрение, особенно бегущий ночью в киберсьюте, и еще сильнее, если бежит с грузом. Но я бегу порожняком. И все равно, через три минуты из-за угла показалась машина ППС (патрульно-полицейской службы) и меня две симпатичных девушки в форме сержантов и похожих на мой киберсьютах вежливо попросили остановиться и предъявить документы. Пока одна идентифицировала мою личность, а вторая внимательно изучала мою шкуру портативным сканером на предмет скрытого холодного оружия, а я продолжал бег на месте, чтобы Зуд снова не включил электромассаж, заметив, что я неподвижен.

– Спортсмен? – иронично спросила полицей-девица со сканером.

– Врач «скорой», – ответил я без одышки, – надо быть в форме. Работа экстремальная.

– Похвально. – Без иронии отозвалась другая и добавила, – он чист, – она вдруг мне помигнула, чуть улыбнувшись, а Зуд сообщил, что с ее телефона пришло сообщение: «Я выходная завтра. Юля» и телефон.

– Можете продолжать тренировку, Алексей Максимович, – первая вернула эльку. – Удачи. Не нарушайте правил дорожного движения, не перебегайте улицу на красный свет и, ступая на проезжую часть в зоне пешеходного перехода, убедитесь, что на ней нет движущегося автотранспорта, – несколько зауценно бубнила девушка, потому что обязана была это сказать.

Но я уже убегал от нее, отправив сообщение: «У меня сутки. Спасибо за симпатию. Юля, вы – очаровательны! И смайлик с поцелуем».

До моего дома еще два квартала.

Несмотря на близкую полночь, народ на улицах был, и какая-то сверхбдительная сволочь стукнула в полицию, что я бегу. Плевать. Закон я этим не нарушаю. Подозревать надо не тех, кто не выделяется из толпы, а кто абсолютно не замечен в массе. Но на такое допущение нужно особым образом настроить мозги. А мы все-таки по природе своей в разной степени ксенофобы. Обращаем внимание на тех, кто выделяется. Такова психика большинства людей. Хочется выделиться, чтобы обратили внимание, при этом не хочется, чтобы подозревали в нарушении закона. Мой киберсьют стоит, как элитный автомобиль и естественно, что люди завидуют.

За двести метров до парадной меня опять остановил, на этот раз участковый офицер. Мой ровесник, в домашнем утепленном комбезе, полицейский китель с погонами наброшен на плечи. Участковый зевает. Он узнал меня, помахал рукой.

– Что так поздно бегаешь, Алексей?

– У друга был, – доложил я. Грубить не хотелось. – Вот решил заодно пробежаться перед сном.

– Это у Свиридовых? – участковый не стеснялся продемонстрировать свою осведомленность. В двадцатимиллионной Москве ничего не скрыть от компетентных органов.

Я кивнул.

– Это правильно. Надеюсь, что все у него обойдется. Мы все, как на минном поле. Удачи!

Я решил поддеть его.

– А тебе чего не спится, Иван?

– Решил прогуляться перед сном, – соврал участковый. Это мне сообщил встроенный в Зуда детектор лжи.

Участковый нарочно вышел встретить меня и по другой причине вышел во двор? Думаю, ему пришло уведомление, что меня только что проверяли, и он проконтролировал маршрут моего движения. Зачем? Просто из служебного рвения. Чтобы потом никто не упрекнул, что он не отреагировал. Наверняка, в своем смартфоне поставил галочку рапорта. А если бы я побежал не домой? Ничего, отметил бы, что он меня не встретил и все. Это ничего не значит, пока меня не ищут. А вот исчезни я, вот тут мой трек через пару дней и всплыл бы, и отчет участкового – кстати. Вот тут меня общмонали, а вот тут я не появился... А куда делся?

Профилактика преступности даже не в том, что все, побывавшие под следствием находятся под особым контролем, включая видео и воздушный – с помощью дронов, которые постоянно висят над городом. Это лишь часть решения проблемы.

Нужно чтобы у рядовых граждан даже мысли не возникало совершить преступление, осознавая, что они все под непрерывным присмотром искусственного интеллекта полиции. Поэтому им об этом регулярно и открыто напоминают разные компьютерные средства: «Мы за вами следим. Ведите себя законопослушно». Микрочипы везде. Камеры тоже. От огромных дворовых на столбах, до микрокамер в кухонных приборах, люстрах, даже в энергосберегающих лампочках. Сканеры повсюду. Якобы нужно для таргетированной рекламы, но это ширма, на самом деле – чтобы предотвращать преступления. Преступлений, однако, намного меньше не стало, просто преступники стали изощреннее и грамотнее, а спланированные преступления страшнее. Бытовуха же, как была, так и осталась, потому что, хватаясь за кухонный нож, человек не думает в этот момент, что его слушает и снимает все, есть в квартире от утюга до телевизора и дверного звонка-домофона.

Я приложил к домофону эльку.

– Здравствуйте, Алексей Максимович, – компьютерный голос привратника почему-то не хотят оттенять ни женским, ни нормальным мужским тембром, – ваша квартира сорок один, третий этаж, лифт уже спускается.

Это, видимо, чтобы я не забыл или не сбился с дороги и не забрел к соседям.

Я поднимался пешком, не обращая внимания, что лифт, не понимая, почему я его игнорировал, идет следом и приветливо открывает двери на каждом этаже, обдавая меня при этом канализационным ароматом. Курить и мочиться в лифте нельзя, а вот пердеть – это сколько угодно. Вот наши законопослушные граждане и отводят душу, будто больше газовать негде.

На самом деле, никто нарочно ни за кем не следил. Это все иллюзия, специально нагнетаемый страх. Вся собираемая на граждан информация попросту отправлялась в архив, из которого уже по запросу суда полиция могла в любой момент получить любые данные на любого человека. Самовольно нет. Так нам объясняли. Так по закону. За нами следят, да. Но о нас никто ничего не должен знать, пока это знание не понадобится для обвинения или оправдания.

Взлом этой системы – преступление, которое карается, как убийство человека с отягчающими от десяти до пятнадцати. Все мошенники знают, если вскрыется их схема, влепят за использование данных о человеке, еще и за хищение биометрии из базы госуслуг. И не важно сам мошенник ломал базу или купил ее у жадного до денег сисадмина госуслуг.

Кстати, таких сисадминов, если ловят приговаривают к исключительной мере вместе с родственниками – то есть его на кичу, а родню, которая не предостерегла от преступления – в бомжи, то есть у семьи конфискуют все имущество, кроме личных вещей.

Дверь квартиры открылась, почуяв мое приближение. Точнее моего смартфона. Или моей эльки. И то и другое можно потерять. Поэтому домофон несколько секунд изучает мое лицо, слушает голос.

Многие взрослые люди стали имплантировать чип в ладонь. Так намного проще. Но многие не стали. Закон не обязывает. Только детям до совершеннолетия теперь нужно ходить с чипом. Потом, уже получив эльку, имеешь право удалить чип.

Ходит анекдот, что один шутник имплантировал себе чип в лоб, и в метро перед турникетом молится, «Господи, помоги мне пройти бесплатно»! Крестится, кладет поклон и лбом в считывающий пятак на турникете – бух, тот открывает проход.

Но молодежь не любит чипы. Чипируют младенцев сразу при рождении. Потом каждые пять лет детей. Взрослые удалить чип не могут только те, кто стоит на учете в полиции после освобождения по УДО. Но чипированных пока еще очень мало, систему ввели три года назад.

Молодежь – против тотального контроля. Молодежь жаждет свободы. Уборщики Московского горкомхоза регулярно смывают со стен домов и звуковых экранов граффити «NO CHIPPING!».

Родители уже спят. Пора и мне. Потратив минут пятнадцать на снятие и обработку от геля и пота внутренней, покрытой золотыми электродами, поверхности киберсьюта, я включил его на подзарядку, принял душ и лег. Завтра на дежурство, вставать в шесть.

Засыпая подумал ни к селу ни к городу: ерунда все это чипирование, эльки, тотальная цифровизация уже давно обеспечила контроль за каждым, а эти вещички, эльки и чипы – отвлекающий маневр, который руководство страны легко может принести в жертву недовольному обществу. Если оно вдруг станет этим недовольно.

2

– Встать! Суд идет! Слушается дело врача Свиридова...

Пять часов присяжные разбирались в чем же виновен мой друг. То, что он хорошо знает латынь и проявил чуткость, объяснив, что означает та злосчастная фраза, обошлось семье Свиридовых в административный штраф, замененный отбыванием в заключении сроком на пять суток и Это можно пережить. Денег у них и так не густо. Квартира по ипотеке. Мы обрадовались.

Но вот дальше началось шоу «нанесение ущерба ГБУ ДЗМ «Клиника паллиативной медицины», которая, по утверждению обвинителя, именно из-за Свиридова и его языка потеряла доход в шесть миллионов восемьсот пятьдесят тысяч рублей – долю собственности умершего. Если бы родственники не узнали диагноз и не поняли, что жить больному оставались считанные недели, они бы не стали отказываться от перевода в хоспис. Так что, виноват во всем врач Свиридов!

Хазин бился как лев. Он пытался внушить присяжным, что врач не может отвечать за поступки, совершаемые родственниками. Однако в последний момент адвокат истца ввел свой «козырь», эпизод «недоносительства» Свиридовым и его отказ «сотрудничать» со следствием, непризнание своей вины и сообщения о правонарушениях коллег.

Намек был ясен, Юрка никого не стал закладывать из знакомых.

Мы растерялись. История показалась нам настолько глупой и притянутой, что даже адвокат попросил объявить перерыв на десять минут. Как он потом объяснил, был уверен, что сторона обвинения не решится «лепить горбатого». Недоносительство не может проходить как преступление, тем более, что вообще к делу не относится.

Да. Мы живем не в эпоху «Культа личности» тридцатых годов прошлого века, сейчас за это не наказывают. За донос, да, поощряют денежно, но если прошел мимо нарушения закона и не доложил, не наказывают. Только если не оказал пострадавшему помощь. Но всем предлагают стучать на всех как можно больше.

Даже выпустили для смартфонов приложение: «Бдительный гражданин», можно зафиксировать правонарушение и отправить в МЧС, ГИБДД или полицию, если факт подтвердится, получить денежное вознаграждение. Пустячок, но приятно. Деткам на мороженое хватит.

Премия копеечная, но если поставить цель, то следя за людьми на улице, вполне можно за день набрать на питание и проезд в метро. Есть любители, которые свободное время этому посвящают. Ловят на камеру курильщиков, разговаривающих по телефону на ходу в машине или пешеходов, или самокатчиков на тротуаре.

– Я хочу этот случай, – заключил свою речь прокурор, – предъявить не как преступление так называемого врача Свиридова, а как его гражданскую характеристику, чтобы у присяжных не возникло чувства ложной жалости. От бдительных граждан, живущих по адресу... через приложение «Бдительный гражданин», органами прокуратуры было получено сообщение, что водитель бригады так называемого врача Свиридова нарушает «закон о курении», причем делает это дважды. Во-первых, он курил на рабочем месте – в кабине автомобиля скорой помощи, который был припаркован рядом с детской площадкой, а во вторых ему не было пятидесяти пяти лет, то есть возраста, которому разрешено покупать табачные изделия и открыто курить.

Граждане присяжные, Свиридов знал, что его водитель курит и мало того, что он не отговаривал его от этого преступного действия, он его еще и покрывал, не доложив по инстанции, что тот нарушает «закон о курении от 22.02.2032 года».

Все это я рассказываю, чтобы вы имели представление об асоциальной личности, так называемом враче Свиридове, которому, по моему мнению, не место в рядах российских меди-

ков. Посему, прокуратура настаивает для обвиняемого Юрия Александровича Свиридова на двух годах лишения свободы в колонии общего режима и лишения диплома врача пожизненно.

О как! Сперва мы вбухаем миллионы бюджетных денег в обучение врача, а мы с Юркой бюджетники, а теперь вот так по блажи прокурора взять и лишить диплома!? Как это все легко у обвинителя. Или у его куратора. Впрочем, чиновникам государственных средств не жалко, если они текут не в их карманы.

Хазин пытался, как мог, обелить Юру. И частично ему это удалось. К сожалению, никто из наших пациентов не захотел свидетельствовать в пользу врача.

Присяжные вынесли вердикт: «Виновен».

Светлана не удержалась и опять заплакала. Юра в клетке был бледен. Его последнее слово, где он признал частично свою вину и просил его не лишать диплома, как ему посоветовал адвокат, на присяжных влияния не возымело.

Судья оказался умнее и добрее, что ли, как были добрыми инквизиторы и вивисекторы, которые постановляли сечь, но сперва придушить, чтоб приговоренному гореть и не мучиться, или отрубить голову, но начать с макушки.

Секретарь суда произнес сакраментальную фразу «Встать! Суд идет»!

Мы встали. Судья вернулась из комнаты заседаний и зачитала решение:

– Свиридов Юрий Александрович обвиняемый по статьям... УК России, а также статье... за разглашение медицинской тайны и нарушение закона о медицинской этике, руководствуясь статьями... – признан виновным и приговаривается к двум годам лишения свободы условно и лишению права заниматься медицинской практикой сроком на пять лет. Подсудимый освобождается из под стражи в зале суда. Приговор может быть обжалован в установленные законом сроки. Вопрос трудоустройства через ФСИН по желанию подсудимого остается открытым.

Признать иск ГБУ «Клиника паллиативной медицины» к гражданину Свиридову. В погашение иска предложено отторжение из собственности Свиридовых жилой площади, стоимость которой на данный момент с учетом оставшейся задолженности по ипотеке составляет семь миллионов пятьсот семьдесят тысяч рублей. Отношение суда банку и истцу будет отправлено после соблюдения формальностей с учетом сроков апелляции.

Адвокат крикнул Юре:

– Мы подадим апелляцию! Прямо сегодня! Не уходите! Я подготовлю документы. До Верховного суда...

Я прорывался к скамье подсудимых. Светлана ухватила за мою куртку и двигалась следом.

Юрка на слова адвоката криво усмехался.

Я ждал, пока он выйдет из клетки. Охрана исчезла. В зале было холодно, видимо нарочно не топили, чтобы судья и присяжные не затягивали заседание. Я локтями распахивал скучающих «любителей крови» и журналюг, которые комментировали решение перед небольшими камерами, закрепленными прямо на выносной штанге, прикрепленной к шлему с логотипом своих каналов.

Вранье, типа «Нет доказательств, что ему заплатили, но, мы-то с вами знаем, как это обычно бывает...» – лилось из поганных ртов этих искателей сенсаций. Один набрался наглости и крикнул в сторону Свиридова:

– Признайтесь, сколько вам заплатили эти люди за разглашение врачебной тайны? Они предлагали вам поделиться наследством? Это вы им предложили или они вам? Теперь уже можно не скрывать. Суд не станет менять свой приговор. Расскажите!

Журналисты развернули камеры на Юру, ожидая скандала, брани или драки. Им очень хотелось жареных событий! А что может быть лучше драки в суде? Бывший врач, взяточник и психопат накинулся на профессионального хама-журналиста!

Больше всего их волновали не люди, не врач, которому только что по закону сломали жизнь, не пациенты, которых загоняют в приюты для доживания, организовав целый бизнес, выкачивания последних деньги из пенсионеров и инвалидов. Их волновал рейтинг! В первую очередь личный рейтинг журналиста-скандалиста. Это шанс в карьерном росте. С недавних времен появился термин «надудеть сенсацию» по фамилии их кумира Дудя, который мог из пальца высосать любую новость, повернув под неожиданным углом любые, даже самые банальные события. Лишь бы поскандальнее, не думая ни о морали ни о личной жизни людей. Их кредо – беспардонность!

Наконец, Юра пробрался ко мне, потому что нам со Светой двигаться навстречу потоку людей, выходящих из зала, было уже невозможно...

Он не повелся на провокацию и подлюги-журналиги сразу потеряли к нему интерес. Еще один неудачник. Это скучно, если неудачник не скандалит и не дает повода к скандалу. Сдавшийся неудачник – никому не интересен. Сенсация не получилась, придется выжимать капли из отснятого во время процесса материала. Хорошо, хоть, что у нас не запрещают съемки в здании суда, а только в зале во время слушания.

Светлана повисла на Юриной шее, заливая воротник слезами.

– Жить мы где теперь будем?

Юра молчал, видно было, он подавлен и в шоке от приговора. Но, собран, и непременно что-нибудь придумает. А пока он только целовал жену и гладил ее, успокаивая.

Свидетели – родственники умершего от рака человека, отводили глаза, постепенно исчезали из зала суда. Совесть еще не покинула окончательно их сердца? Возможно, что они сами не ожидали того, как развернется их подлость по отношению к врачу. Все, что сумели добиться – спасти квартиру.

Несколько журналистов продолжали съемки репортажей для своих телеканалов. У осужденного больше никто не спешил брать интервью.

Журналист канала «Град» пытался расспрашивать инициаторов скандального дела, родственников умершего больного раком, довольны ли они результатами, удалось ли им получить долю умершего в качестве наследства? Родня хмуро отмалчивалась и пыталась поскорее улизнуть.

За время, что моего друга содержали в следственном изоляторе, он немного похудел и отращил рыжую щетину на впалых щеках.

– Юрка, поздравляю. – Обняв его, сказал я. – Все-таки не на поселении. А работу найдешь. Хотя, может быть стоило воспользоваться правом на трудоустройство? Судимость не лучшая характеристика для работника, но предписание ФСИН – гарантия, что возьмут хоть и не квалифицированную, но на работу могут и жильем обеспечить в общежитии.

– Спасибо, Леха, спасибо, ты – настоящий друг, – Юрка снова усмехнулся, – не представляешь себе, как я рад тебя видеть. И трех дней за решеткой, вот так хватило, – он провел кончиками пальцев по горлу. – А какая разница? На поселении или в Москве? Специальность-то врача для меня закрыта. Теперь только если рабочим на стройку или на мусорном заводе сортировщиком. Это хорошо, если возьмут. Сам знаешь, квоту на мигрантов заменили квотой на москвичей. Да, жить теперь будет негде. В хостел временно переедем, поживем в общежитии пару недель.

Да, с жильем туго. Никто не приютит. Любому филантропу придется налог платить за предоставление жилплощади. Даже если с постояльца не брать ни копейки. Налоговая через месяц пришлет счет по среднесдельной цене. Благотворительность за свой счет для благотворителя, но государство терять денег не хочет. Как узнает? Легко, эльки отслеживаются даже дверными проемами в подъездах.

– Так куда? – снова спросил я, – уже решил что-то?

– Вот найду лесок поглуше и устройсь лесником, – процитировал он из сказки « Про Федота-стрельца» Леонида Филатова.

3

На следующий день мы с Юрой поехали прогуляться по парку. Укатали на окраину, в Лианозово. Ходили по дорожкам, укрывшись зонтами, и весь наш диалог велся исключительно письменно в блокноте карандашом. Юрка сообразил, что все ручки даже одноразовые заряжены чипами, и можно запросто перекачать на любой планшет все, что ей недавно писалось. Делалось это для удобства пользователей, конечно. Но силовым органам тоже было очень удобно. От всевидящих дронов мы укрылись зонтами, а чтобы любопытные техники не подслушали нас, то писали.

Юрка был в обычной одежде, водоотталкивающем костюме, но без киберсьюта, а я накрылся длинным плащом, чтобы не раздражать ни друга своей роскошью, ни прохожих.

Юрка знал, что его, осужденного, непременно ведут техническими средствами. На всякий случай, из профилактики, как обиженного властью. Чтобы предвосхитить, если вдруг замыслит что-нибудь противоправное. Каждый вечер его дневные деяния просматривал специалист, отмечал, где был, с кем и о чем беседовал. Просто так, чтобы не пропустить возможность пресечь готовящееся преступление. Юра сейчас в архетипе «андердог», а такие люди, по мнению психологов, способны на все, особенно на бессмысленную месть.

Весенняя погода не радовала, в воздухе висела водяная взвесь, от чего бумага намокала, и нам приходилось довольно часто перелистывать раскисшие страницы.

Юрка закрыл свой мобильный номер, смартфон продал, киберсьют, бытовую технику выставил на Авито. Поэтому он забрал мой аппарат, но не для звонка. Он выключил его, но затем убрал в плоскую железную банку из-под чая и укутал ее пупырчатой пленкой, чтобы даже выключенным, тот не мог «услышать» нашего разговора.

Давно уже в телефонах стоят неизвлекаемые батареи, а старые аппараты по акции скупают, меняя на новенькие смартфоны «один к одному». Так что найти сейчас аппарат со съемной батареей в городе нереально. Я не стал убеждать Свиридова, что мой аппарат глухой.

Самое вероятное, что нас «пасут» сверху. И то не специальным, а обычным, штатным дроном, который патрулирует район. А значит, направленный на нас микрофон если и есть, то сверху.

«Мне помогут исчезнуть» – написал он и добавил: «нам со Светой».

«Как?» – написал я.

«Нужен ДК» – ответил он.

Я подчеркнул «КАК?»

«У тбя отбрут на вызве»

«А смысл? ДК не взломать за пять минут, – ответил я. – а потом он бесполезен».

Мы продолжали писать, выбрасывая гласные, чтобы сохранялся смысл слов.

«Если не знать пин».

«Я не могу сказать, ты же знаешь. Это автоматом обвинение в соучастии. Если не убьют, и даже если убьют. На мне родители!» – мне хотелось дать ему по роже. – «Ты понимаешь, что это – нам всем приговор!»

Я догадался, что на Юру вышли какие-то люди и сделали предложение, от которого сложно отказаться. Невозможно отказаться. Видимо ему пообещали не только новые документы, но и неплохие «подъемные». Взломанная база стоит десятки миллионов.

Он что, забыл? У меня отец больной, мать на пенсии.

Каждый год соцработники приходили с предложением перевести моих родителей в приют. Я отбивался. То, что у отца «Альцгеймер» – не повод отправлять его в интернат. Если со мной что-то случится – они обречены. Их отправят в приют и там, через год, похоронят. На стариков государственный пенсионный лимит исчерпан. Если дети их кормить не могут или не

хотят – пенсионеров отправляют в дом престарелых, где они умирают очень быстро «от естественных причин». Мы-то с Юрой отлично понимали, что это за «естественные» причины. В стране рыночная экономика. И как планировал пухлощекий «гений экономических реформ» – «рынок управил». Старики, особенно одинокие, долго не жили. Их даже не вскрывали в морге из экономии. По завету этого государственного пухлощекого деятеля «если в период реформ часть пенсионеров вымрет, это не страшно» – кажется процесс «вымирания» наши финансисты перевели на обязательные рельсы.

Не так жестоко, как в первобытном обществе, где стариков предписывалось связанными отвозить в лес, на съедение зверям и не как у фашистов в лагерях смерти – через газовые камеры и печи. Все интеллигентно и «с достоинством» – за год подсаживали на сердечный препарат, который потом, когда сердце без него работать уже не могло, резко отменяли, и вот тебе «Смерть от естественной причины» – срыв ритма и асистолия. А перед этим Минздрав спустил приказ, о том, чтобы смерть пенсионеров при наличии медкарты, то есть стоящего на учете в поликлинике, принималась на основании истории болезни, а патанатомическое исследование производилось только по решению суда. Это был сигнал «черным риэлторам» пробудиться от временной спячки.

Юра все понимал. Он написал:

«Если будут знать четыре символа из шестнадцати, взломают за минуту».

«Я не могу их произнести. – Ответил я и напомнил, – ДК пишет каждое слово»

«Не говори, напиши».

«Я не пойду на такой риск. Почерк».

Юра показал себе в подмышку.

«Маркером. Потом сотрешь спиртом».

Я покачал головой. Мы перед началом выездов и после работы принимаем душ. Душевая – общая. Надпись в подмышечной впадине коллеги могут увидеть.

«Обещать не буду. Если честно – мне стрёмно. Понимаешь, если ДК взломают так быстро – я все-равно на 100% под подозрением»!

«Если все сделаешь правильно, доказать они ничего не смогут. ДК – железка, когда-нибудь его взломают. И уже взламывали, ты знаешь».

«Если ДК взломают и получают доступ к базе „госуслуг“ – это миллионы жителей, такая база стоит сотни миллионов рублей. Не слишком дорого хочешь заплатить за свое „исчезновение“?»

– «Обещали, что помогут, – Юрка писал обрывками слов, – я вынужден верить на слово».

Блокнот намок, и писать карандашом становилось все сложнее. Я боялся спросить, а если его реально уберут после того, как он все организует? Как лишнего свидетеля!

«Ты им веришь»? – добавил я. – «Может быть, оставить как есть? Пять лет будешь готовиться, сдавать зачеты, потом подтвердишь диплом и опять стаешь врачом».

«Меня с судимостью никуда не возьмут, где есть материальная ответственность, – ответил Юра, – даже в степь по программе «земский доктор».

– Надо, Леша, – он повторил, – надо. Жить незачем, сам понимаешь. Бомжевать остается, я не хочу и Светку жалко. Из-за меня страдает. В армию не хочу. Но они толкают к этому – служба по контракту. И не врачом. Простым наемником. Мы уедем.

– Куда?

Он пожал плечами и снова взял карандаш.

«Ни о чем не беспокойся. Коси под дурачка. Цифры напиши уже вечером. Думаю, что вызов с захватом организуют только под утро».

«Ты уже договорился? Не заручившись моим согласием»? – я показал ему кулак.

«Если у тебя не будет под мышкой цифр, мы со Светкой исчезнем на самом деле», – ответил он на чистой странице. – «Решение за тобой».

«Шантаж?» – возмутился я. – «Ты меня шантажируешь»?!

«Не я, меня предупредили, что если они не получают возможности взломать ДК, то меня уберут просто из безопасности, а Светку заодно, как возможно причастную. Хотя она и не причём»!

Я вытер мокрый лоб. Несмотря на холодную морось – вспотел. «Вас и так уберут, в любом случае», – подумал я, но озвучивать не стал. Я понял Юру, ему нечего терять. Но, получив чистую эльку, пусть даже с липовыми дипломами и сертификатами, он сможет уехать из страны в одну из бывших республик СНГ, там его проверять не станут. В мире есть немало стран, где он сможет подтвердить диплом и дальше работать по специальности. Но уже под чужим именем. Например, в Африке.

«Все, – написал он. – Больше нечего обсуждать. Бумагу надо съесть».

Он принялся вырывать листочки и запихивать в рот. Из сумки достал бутылку с водой.

– Заворот кишок будет, – пошутил я.

– Как-нибудь пропихнем. Касторки выпьешь. Ешь, давай.

Я присоединился к Юре, и мы несколько минут молча жевали бумагу и запивали комки водой. Потом дружно расхохотались. От блокнота ничего кроме пластиковых корочек не осталось. Юрка поднес к ним зажигалку. Пластик принялся чадить, на мокрую бетонную площадку потекли, издавая гул и свист, огненные капли. В пальцах Юрия остались ниточки проводников и оплавленный микрочип. Блокнот стучал?! Какие же мы идиоты! Но Юра был спокоен.

– Я его в микроволновке погрел, не ссы. Вся электроника спеклась. А вставить контроллер в каждый лист бумаги – этого пока не могут.

Мы направились к выходу из парка.

– Я не понял, почему с тобой обошлись так жестко. Я насчет приговора. Адвокат намекнул, что кто-то из чиновников в министерстве или ДЗМ делает карьеру на этом случае. – Я не боялся, что нас услышат. Тема вполне резонная. О чем нам еще говорить?

– Есть такой человек – вице-мэр Москвы по социальным вопросам и здравоохранению, ты его знаешь, так вот он решил, что мой случай обязательно нужно раздуть в воспитательных целях. И ему необходим был непременно москвич из коренных. Косяки приезжих наемных врачей не так показательны, их трогать нельзя – другие не приедут. «Бей своих, чтобы чужие боялись!». Это же понятно. А заодно нужно было освободить ставку для молчаливого гастарбайтера.

– Ты уверен?

– Мне следователь показала его письмо в прокуратуру: «Сделать показательный процесс в воспитательных целях». Когда ты видел в суде столько журналистов? Я что – террорист или серийный убийца или известный артист?

– А она не нарушила инструкцию, сообщив тебе? – удивился я.

– Понимаешь, Леша, люди все-таки это люди. И человеческая совесть и доброта в них еще сохранились. Ты же видишь сам, многие люди в каком-то обалдении находятся. Не понимают, что вообще происходит. И к чему нас ведут. Потому вокруг и напичкано столько электроники

и средств контроля, что надежды на «бдительность» у властей нет. Они только создают новый тип граждан: «Человек – дятел». Думаешь, они от доброты сердечной назначили премию за каждый донос? Это шанс, что среди нормальных людей непременно окажутся подонки, доносящий на своих же друзей. И водителя с его курением приплели нарочно. Какая-то сука из мамаш на детской площадке его сняла с сигаретой и стуканула из вредности, а может быть, ей самой на сигареты не хватало как раз. Нас всех подталкивают к тому, чтобы быть сволочами по отношению к другим. Даже платить готовы за это. Хочешь заработать немного денег? Стукни.

Он молчал несколько минут. Продолжил.

– Понимаешь, нами правят чиновники, эффективные менеджеры, люди без сердца, милосердия и благородства. Они исповедуют чистый разум – ratio, а ему неведомо понятие добра или зла. Рацио – это основа. Хорошо все, что выгодно. А что может быть выгоднее рабства, прикрытого демагогией о свободе и правах? Нет у нас прав, Леша, есть только обязанности. Я не против рацио, если бы в нашей жизни сохранялось хоть немного иррациональности, права на небольшие ошибки. Прощение – это великое право людей. Рацио не понимает прощения. Исходя из рацио, в любую правящую партию лезли чиновники и подминали ее под себя, а у нас полвека назад чиновники взяли власть и создали себе единую доминирующую партию, которая имитирует заботу о гражданах. Ты ее чувствуешь эту заботу? Я вот почувствовал. Меня обобрали как липку, унизили и фактически уничтожили как врача. Убили мечту. А человек без мечты – труп. Поэтому я согласился... Леша, нам терять нечего, кроме запасных цепей...

Он усмехнулся.

Я понимал. Я просто молчал. Юрка достаточно наговорил, чтобы мне написать куда следует. Но мне он доверял. Только мне. Иначе как жить, если совсем никому не верить?

– Юр, телефон верни, а то увезешь с собой.

Юра закрыл фонтан своего красноречия. Мы подошли к стоянке машин каршеринга. Он извлек из банки мой смартфон.

– Возьмем? – спросил я. – Ты же с правами?

– У меня на карте ноль, помноженный на ноль.

– Я тебе перекину.

– Не надо! – Юра передернул плечами, – ты знаешь, что за оплаченную тобой дверь, со Светки содрали налог с дохода?

– Не понял.

– Чего непонятного? Заказ ремонта двери был на нее, а оплатил ты. Значит, деньги ей дал? А это доход. Вот с нее тринадцать процентов и сняли, как НДФЛ. Все по закону. Она же не благотворительный фонд. С твоих денег сняли эндээс, с нее эндэфэл... доильный автомат работает. Этим тварям на яхты и дворцы денег не хватает... – добавил он.

– Тогда идем до метро. Таксиботов нет рядом, – предложил я. – Я уже вымок от этой весенней срани. А завтра дежурить сутки. Ты-то выспишься, – подколот я его.

Про вымок – это шутка. Вымок только плащ. Я под графеновой броней был и в сухости и в тепле.

Но он не улыбнулся, а я пожалел о своей неэтичной шутке. Пока идет оформление документов по решению суда, они жили в квартире, но потихоньку распродавали мебель и те вещи, которые не смогут забрать. Уходить надо налегке. Хазин выполнил обещание и сразу подал апелляцию. Но уверенности не прибавилось. Когда дело касалось убытков госучреждений, никакой высший суд не отменит решения первичного суда. Тем более, что еще до суда все СМИ в один голос твердили о «высокой вероятности» виновности врача Свиридова. Теперь уже и сомнений в этом нет ни у кого.

4

Через сутки на последнем вызове в шесть утра, я нарвался на засаду. Меня скрутили, и приковали к батарее отопления. Один из вызывавших, дядечка лет пятидесяти, уговаривал:

– Милок, ты лучше сам скажи личный код. Ты же понимаешь, что мы все равно взломаем твой ящик...

Дежурить в киберсьюте физически трудно. Наша форма моющаяся, в любой момент превращающаяся в скафандр биозащиты не позволяет сразу носить и ее и киберсьют. Поэтому мы защищены от грязи и инфекций, но не от агрессивных преступников.

Я воспользовался вшитой в воротник комбеза пластиковой капсулой с «дегезом». Это мощный наркотик, от которого я через минуту отключился на полчаса.

Бандиты били меня ногами, но наркоз – это наркоз, хоть на части режь. Я спал и ничего не чувствовал. Они зачем-то изрезали мой скоропомощной комбинезон. Видимо надеялись, что я сквозь сон испугаюсь и пробормочу им пин-код.

«Алиса! Я им ничего не сказал...» – не помню, откуда эта фраза всплыла в мозгу, но это первое, о чем я подумал, когда очнулся на полу в машине СОБРа.

Был допрос, была масса объяснительных, потом в каждой инстанции. Но никто ничего обвинительного предъявить мне не мог. Никаких надписей на моем теле не нашли. ДК в восстановленных файлах показал мою полную несознанку те три минуты от раскушенной ампулы до мощного храпа.

А суeta началась из-за того, что на 47 секунде от включения ДК, бандитам удалось взломать первый уровень доступа в сервер ДЗМ, и на шестьдесят третьей в сервер «Госуслуги», и они скачали, все-таки, массив базы данных о тридцати миллионах жителей Москвы и Новой Москвы. Все с деталями и биометрией! По утру дежурный админ проспал атаку на сервер, и, не соображая как программно закрыть доступ, побежал в серверную, чтобы просто вырвать провода линии из банка данных, но не успел. Пока он бежал и набирал код в двери, скачивание было завершено. Вырванные провода привели к падению базы до полудня. Все больницы, поликлиники и скорая – не могли работать.

Только я тут не при чем. Я спал.

Посадить меня, как Юрку, не посадят, конечно, максимум пошлют на центр – вызовы принимать. А это значит, получать четвертую часть моей нынешней зарплаты... Ничего, я потерплю.

Бандиты меня избили довольно крепко. Но сломали ребра и сотрясли мозг не бандиты, а полиция в машине, когда пыталась разбудить... хорошо хоть не проломили череп.

К счастью, на вызове водитель сразу отреагировал на мое радиомолчание, и уже через пятнадцать минут пустую квартиру штурмовал СОБР. Однако, чемодан мой выпотрошенный был мертв, а скачанная база вместе охотниками за информацией исчезла. Сам ДК преступникам не нужен теперь. Украденная база уместилась на одном жестком диске.

С момента регистрации нападения на бригаду, счет пошел на минуты, кто успеет раньше? Регистрация серверной атаки произошла не изнутри, а снаружи, по цепочке водитель бригады – полиция-оперативный отдел «скорой» – админ «скорой» – админ сервера МФЦ «Госуслуги». На каждый этап требуется пара минут.

Кто पहले? Бандиты успеют скачать базу, взломав доступ в комплекс, или админ «скорой», стерев номер ДК из базы? А зачем ему это? Доступ ведь он принял, как санкционированный. Формальности входа соблюдены. Дежурный админ МФЦ – сразу не поверил сообщению о взломе. А когда увидел, что по сети потекла информация, попытался закрыть порты, но на это требовалось время. Потому что пароли защиты знал только главный админ, а он в

это время крепко спал дома. Значит, оставалось одно – механически выдернуть кабели между сервером и хранилищем. Слишком много этапов.

Нападавшие успели. На шестьдесят третьей секунде от момента включения ДК. Пин-код бандиты сумели расколоть, а дистанционно отключить компьютер комплекса от сети и базы админ не успевал физически. Ему надо было переместиться с одного этажа на другой, открыть несколько кодовых дверей.

И теперь всем им будет огромная нахлобучка. Особенно тем, кто не сумел обеспечить защиту данных от утечки.

Как оправдывался разработчик защиты? Мне это не известно. Хватило недели ежедневных допросов в тюремном госпитале. На записи ДК было слышно, что я пин-код не раскрыл. Я вообще не сказал ни слова. Поняв, что влип, поймал ртом угол воротника и как заправский шпион прокусил пластик капсулы. Рот свело от жгучей горечи, а через несколько секунд я уже мешком повалился на пол.

Нападавшим повезло. Это случается. Они опытные и толковые хакеры.

Их обязательно ищут. Но, как назло, камера в подъезде оказалась замазана краской еще за пару дней до захвата ДК, управляющая компания домовая об этом знала, но чистить или заменять не поспешила. Вряд ли их разыщут. Если они не дураки, а я в этом уверен, на их одежде не было ничего маркированного кодами или чипами, лица в гриме, наверняка. Работали в перчатках и походку изменили специальной обувью. Ищи теперь – свищи!

Миллионы зарегистрированных жителей столицы попали в категорию – «Возможны дубликаты»! А это означает, что нужно постоянно отслеживать, не возник ли кто-то из этих тридцати миллионов одновременно в двух или трех местах страны. И кто из них – настоящий? Чья элька настоящая: в Москве, в Краснодаре или во Владивостоке? Проверки между федеральными округами в непрерывном режиме не производятся, может быть случайно дается запрос из регионов в центр, если приезжий что-то крупное покупает или придет в поликлинику. Такие совпадения в один день маловероятны. Чтобы обнаружить дубликаты – нужны специальные программы и это происходит всегда потом. Может любому человеку прийти сообщение: «подтвердите свое нахождение, такого-то там то». Через год или два. Многие подтверждают, если не за рубежом. Потому что легче дать ложную информацию, что якобы был где-то, чем заниматься перерегистрацией эльки.

Известно, что без данных базы «госуслуг» изготовить идеальный дубликат паспорта гражданина РФ невозможно. Зачем бандитам база? Я спрашивал себя и однажды нашел ответ. Кому-то из наших высоких начальников нужно, чтобы в базе были «пустые эльки» – это фантомы, несуществующие люди, виртуальные личности. Кому они нужны? Например разведке или каким-то спецагентам. Эльки-фантомы искусно спрятаны в базах «госуслуг», но умельцы их находят и превращают из фантомов в живых граждан. За такую эльку готовы платить огромные деньги.

Похитители не имели времени на допрос. Я уснул. И на мокрое дело они идти не решились. За взлом федеральной базы, даже за изготовление фальшивых документов они получают десятку, и то если их найдут, а за убийство врача скорой им светит пожизненное, это если СОБР, конечно, не застрелит в момент задержания.

Так наши силовики обходят мораторий на смертную казнь, особенно для беглых осуждённых.

По слухам, операм дано негласное распоряжение, при малейшем оказании сопротивления или даже неподчинения полиции сразу бить на поражение по завету моего тезки Горького: «Если враг не сдается – его уничтожают». Поэтому, мои захватчики предпочли смыться потихому до появления СОБРа... через чердак, предварительно кувалдой разбив маршрутизатор видеоконтроля, при этом оставили без камер весь дом. Так что ни вход их, ни выход зарегистри-

стрирован не был. И я их описать не мог, все они были в масках. До того, как я уснул, они ничего не говорили между собой.

Я выпи́сался через три недели. Мне вернули отобранный на вызове мобильник. Похитители его не забрали, бросили телефон и рацию в квартире в железное ведро с водой. Смартфон мой следователи подшили к делу, пока не определили, что он именно мой. К счастью, российская техника водостойчива в отличие от импортной, на которую чихнуть страшно.

От выездной работы меня не отстранили. Даже выговор не объявили. Как будто ничего не случилось. Я купил себе новый служебный комбез взамен порезанного.

Две недели на больничном – в зарплату начислена только основная ставка, это курам на смех.

Сразу после звонка маме я позвонил Свиридову, сказать, что он свинушка, не проведал меня в больнице за это время. И спросить хотел, конечно, заодно, как он устроился на работу, какие у него новости, где теперь живет? Все-таки после суда жизнь не кончилась. Смартфона у Юры больше нет. По Юркиному городскому номеру ответил незнакомый мужской голос:

– Он здесь больше не живет.

Я оторопел, но, пока неизвестный не бросил трубку, успел прокричать:

– Извините, а вы знаете, где он?

– Не знаю, – ответил равнодушный голос, – мы получили квартиру от банка за выселением. Позвоните в справочную Москвы. До вашего звонка я даже фамилии его не знал.

Как за выселением? Они уже уехали совсем? Куда?

Связь прервалась. Справочная ЦАБ – это дорогое удовольствие. Поэтому, вернувшись на подстанцию я, первым делом, полез в базу Москвы через ДК. Ввел домашний адрес друга с фамилией и инициалами.

Ответ: «Не значится». Это сейчас. Верно. Запросил сводку по всем Свиридовым его округа за последние три недели.

Через 3 минуты на экране моего нового ДК в списке жителей я увидел надпись: «Свиридов Ю. А. Свиридова С. В. с 12.02. 2049 года – шифр 000 000. По закону их данные через три месяца из главной базы уйдут в архив. С того момента доступ к ним станет возможным только по суду.

Они оба умерли, если верить справке. Так быстро?

Впрочем, Юрка же предупреждал, что в любом случае они исчезнут.

Это произошло на следующий день после нападения на меня.

По сводке раздела происшествий за эти сутки, приведена массовая автокатастрофа – маршрутный микроавтобус, перевозящий пассажиров через агрегатора «Попутчик», столкнулся с Камазом-автоматом и рухнул с моста в реку Мста, в которой среди девяти погибших числились и Юрка с женой...

Я отказывался поверить. Правда ли это – кто знает?.. Значит, они после того, как мы попрощались, куда-то потом направились. На автобусе в Новгород? В Питер? Куда – мне теперь не узнать.

С другой стороны, для того, чтобы сделать новые карточки с другими именами – чьи-то дубликаты, нужно официально умереть. Так можно быть уверенным, что через три месяца нигде на регистраторе не вспыхнет надпись: «ЛК фальшивая. Дублирование данных!».

Лучшего способа не придумать, чем вписаться в массовую катастрофу. Но как знать, когда и где она случится?

Если мой бывший ДК Свиридовым помог обрести новую судьбу, я не пожалею о поломанных ребрах, сотрясении... Дай Бог им счастья в новой жизни. Надеюсь, что она у них есть. Но этого, ни мне и никому узнать не суждено.

5

Мы принимали бригады на складе оборудования уже одетые в защитную моющуюся кожу из светоотражающей серой ткани.

Согласно приказу Роспотребнадзора, все сотрудники экстренных служб обязаны на дежурстве носить защитные комбинезоны, оберегающие нас и от грязи и от инфекций. Спасибо профсоюзу, выбившему для нас обязательный душ на подстанции и возможность приехать и отдыхать от этих душегубок каждые четыре часа суточного дежурства. Правда, чтобы одеться, мы вынуждены были приходить на работу на час раньше.

Петя посмотрел на цепочку зеленых точек. Батарея полная. Он со щелчком загнал ее в отсек и включил прибор. По экрану оранжевого ящика диагностического комплекса полетели строки системного рапорта. Высветилось окно: «Введите личный номер». Петя ввел. Следом: «Введите пин-код», Петя ввел. «Повторите пин-код». Это стандарт. ДК проверяет не только точность введения, но и время введения. ДК это доступ в святая святых базы данных госуслуг и ЕМИАС. Врач не должен тормозить, иначе подозрительно, врач ли это?

Камера ДК проверяла лицо врача, но только при первом включении. На вызовах времени на это нет, там только пин. Поэтому врач не имеет права выпускать ДК из рук от машины, где он стоит в специальной ячейке с контактами зарядки до квартиры больного, где его откроют и запустят.

Как только на экране появилась надпись: «Добрый день, Петр Сергеевич! Хорошего дежурства!» Петя подключил к специальным разъемам толстый пук проводов.

Я все эти операции уже проделал и проверял комплектность МК – ящика с медикаментами. Болтать нам некогда. ДК Петрухи начал тестирование и калибровку диагностических блоков. Для этого Петя и подключил все интерфейсы. По экрану ползли рапорты: ЭКГ-ОК, Тонومتر-ОК, Анализатор крови-ОК, анализатор мочи-ОК...

Основные поломки это обрывы проводов, соединяющие интерфейсы с системным блоком ДК или окисления электродов в анализаторах, если врач прошлой смены не залил мойкий раствор в систему, сдавая ДК на хранение.

На экране моего смартфона высветилось: 8:55! Пятиминутка! А я еще не загрузил машину оборудованием!

Мы с Петей опоздали и автоматом получили по двадцать баллов штрафа. За сотню получу штраф уже денежный, минус пять процентов от основной ставки. А это потащит и проценты надбавки, которые от нее считаются. На конференции ничего нового. Отчеты «ночников», распоряжения от высокого начальства из Управления. Историю со Свиридовым мы не вспоминали. Угнетала информация о его гибели. Меня больше не донимали объяснительными. От выездной работы не отстранили. Не попрекали и дегезом. Новую ампулку достать я не спешил, помня закон: два снаряда в одну воронку не падают. Купить фентанил мало, его еще нужно особым образом приготовить. Открыть ампулу, дать высохнуть и заново развести спиртом, упаковав раствор в пластиковую трубочку, которую уже можно незаметно вшить в ворот служебного комбинезона. Я не спешил заниматься этим. Главный риск в том, что при покупке на рынке, где тусуются драгдилеры, периодически проводятся облавы, и попасться на рынке с ампулой – это получить такие проблемы, что Юркина судьба покажется счастливой.

Завподстанцией Роберт Германович, по прозвищу «Горыныч» закончил читать циркуляры Управления. Он помахал рукой, подзывая кого-то из задних рядов конференц-зала. К нему вышли трое. Молодая женщина и двое мужчин.

– И в завершение пятиминутки сообщая, что в наших рядах пополнение. Врач Артемова Валентина Ивановна, Врач травматолог – Георгадзе Давид Константинович и фельдшер Самсонов Леонид Яковлевич – прошу любить по возможности, и жаловать... а так же поддержи-

вать в освоении нашей работы. – Зав повернулся к троице, – пожалуйста, вкратце расскажите о себе, начнем с вас, – он кивнул девушке.

Две смены в основном изучали ее, естественно, ни высокий грузин, и невысокий полный фельдшер мужской состав подстанции так не заинтересовали, как новенькая докторша.

Я – врач холостой, потому от основной массы не отличался и пользовался возможностью беззастенчиво рассматривать новенькую. Симпатичная. Не супер-пупер, но весьма приятной наружности, светлая, овальное лицо, почти без макияжа... фигура хорошая... грудь, ножки... талия... все очень даже. Серо-голубая скоропомощная форма ее не красила, но и в этом наряде, она производила достойное впечатление. Все-таки женщины на скорой – редкость. Служебный рабочий костюм-комбинезон подчеркивал в ней сексапильность. Артемова порозовела от легкого смущения, откашлялась и немного севшим голосом доложила:

– В прошлом году окончила медицинский университет, год интернатуры по «скорой и неотложной помощи» в НИИ им. Склифосовского, – она вдруг кокетливо покрутила плечами и бедрами и добавила, – не замужем, детей нет.

– В прошлом году окончила медицинский университет, год интернатуры по «скорой и неотложной помощи» в НИИ им. Склифосовского, – она вдруг кокетливо покрутила плечами и бедрами и добавила, – не замужем, детей нет.

Реплика ее произвела незамедлительное действие в рядах, мычание, покашливание, смешки и реплики «за нами не заржавеет», «мы мужчины хоть куда – в самом расцвете сил!».

Зав постучал костяшками по столу.

– Успокоились!

Травматолог Георгадзе и фельдшер солидного возраста, а ему на вид было больше тридцати пяти, нас не заинтересовали. По селектору выкрикнули несколько бригад на выезд, в их числе и мою. Я уехал.

Артемова не выходила из головы. Чем она мне понравилась? А вот этим: «Не замужем, детей нет». Она явно озорница. Надеется подобрать себе парня? Вполне возможно. «Успокойся, – говорил я себе, – хороша Маша, да не наша».

Четыре вызова подряд, и я получаю «добро на подстанцию». Водитель обрадовался.

– Мигалку? – пошутил он.

– Не зли судьбу, – ответил я, – знаешь же, примета плохая. «Цветомузыка» только на выезд и когда везем в больницу.

Работа немного замылила впечатление от новенькой врачихи, сказывалось легкое подсаживание в желудке, намекнувшее, что время обеда уже близко. Голод может подавить и сексуальное влечение. Все-таки, завтракал я в шесть утра. А на часах около полудня.

Я доложил о прибытии диспетчерам, хотя автоматика сделала это на три минуты раньше. Убедился, что не первый в очереди и направился в кухню.

Один автомат выплюнул мне в кружку порцию раскаленного кофе с синтетическим молоком, второй уронил в ладонь шоколадный батончик с орехами. В помещении за сдвинутыми столами трепались о жизни медики. Разговор тёк неспешный, вопрос – ответ, рассуждения, мечты и прожекты, слухи... новеньких в компании не было. Я совсем чуть-чуть расстроился, хотелось поближе познакомиться с кокетливой доктором Артемовой. Может, еще и познакомлюсь, ведь по приказу они после перевода месяц должны работать с кем-нибудь в бригаде... Я присел с краю сдвинутых столов, не вступая в разговор, грыз подсохший батон, прихлебывал кофе...

– Леха! – ко мне повернулся невропатолог Мокроусов, – как тебе новенькая?

Я поставил кружку и пальцами изобразил «весьма, весьма».

– Артемида! – поднял палец невропатолог.

Невропатологом мы его называем по привычке. Спецбригады упразднили, всех спецов уравнили с линейными врачами. Всех, кроме травматологов. Единственный портативный рентген, который дали на бригады это компьютерный томограф для головы, похожий на ведро с проводами. В это ведро помещается голова с инсультом. Через пять минут получаем спиральную томограмму с объемной картинкой всех тканей и сосудов головы. Где тромб, где разрыв?

Травматологи работали руками. Для них рентгена еще не создали, потому что рентген-накидка нормальной картины повреждений не давала, только намекала, тут перелом, а тут что-то воспалилось. Экспериментальный девайс.

Мокроусову скоро на пенсию. А туда же – Артемида! Почему Артемида – ясно, от фамилии.

Петя влетел и шумно принялся рассказывать о событиях на вызове, но мне это было не интересно. Селектор щелкнул.

– Исаев зайдите в диспетчерскую.

Я подчинился, оставив на столе кофе и батончик. Если вернусь, а Петя не сожрет – будет чудо. Я усмехнулся и подумал, если Петр действительно не покусится на мой «ланч», то я сегодня обязательно познакомлюсь с этой – Артемидой. Меткое прозвище, импровизация Мокроусова, мгновенно прилепилось в моем сознании к этой красотке. Что меня привлекло в ней? И я вспомнил, она пошла мимо меня и чуть коснулась бедром моего плеча, потом я смотрел ей в спину и невольно подметил, что она не идет, а будто летит или плывет в сантиметре над полом. В ее походке чувствовалась огромная внутренняя сила и тренированность. Так ходят люди – мастера единоборств. В их походке, позе, взгляде есть что-то такое, что останавливает любого противника, если только он не дурак. Отец, еще когда был здоров, метко заметил. «Их взгляд будто сгибает предметы, с которыми сталкивается, как сгибает монету попадающая в нее пуля». Правда, потом еще добавлял, что настоящие мастера умеют сдерживать этот взгляд, потому на свете немало амбициозных дураков, считающих, что любого мастера непременно надо перемастерить.

Горыныч встретил меня в лифте у диспетчерской.

– Алексей!

Я остановился в ожидании. Почему он не вызвал к себе в кабинет?

– Алексей, – повторил заведующий, – есть важное дело.

Я вопросительно приподнял одну бровь.

– Возьми эту врача Артемову на стажировку. Оплата будет, как одному и еще надбавлю учебные часы к аккредитации. – Он посмотрел на табло над входом. – Вот, двадцать учебных часов. Только ты ее уж отстажируй, как положено.

Прозвучало весьма двусмысленно, если наложить его выражение на мои мечты в отношении Артемиды.

– Есть, отстажировать! «Сколько раз»? – хотел добавить я, но вовремя осекся, Горыныч этой пошловатой шутки не примет и наверняка отдаст мою симпатию кому-нибудь другому.

– Я серьезно. Все, как положено. Все инструкции, манипуляции. Ну, сам понимаешь. И это... – он поморщился, – насчет Юрки... объясни ей, чтобы на вызовах не болтать. Вообще. Даже между собой. А то черт знает, что они там слышат эти больные. И держи дистанцию!

Когда я вернулся в кухню, там уже никого не было, на столе меня ожидали полкружки кофе и полбатончика.

Я сидел на кухне в обнимку с кружкой кофе, когда вошла доктор Артемова, и мне вспомнилось определение Мокроусова «Артемиды!»

– Алексей Иванович? – Валентина села против меня за стол.

Я шутливо отдал честь, улыбнулся.

– К вашим услугам!

– Меня вписали на вашу бригаду. Вы не против?

Сдерживая эмоции, а что греха таить, хотя новость уже не неожиданная, лучшего способа для знакомства, чем совместная работа, не придумаешь. Я притворно нахмурился.

– Я Алексей Максимыч, – поправил, – как Горький. Знаете такого Буревестника революции? – я процитировал: «Толстый пингвин прячет тело жирное в утёсах...»

– Нет, – ответила она, – Фу, какая гадость. Не люблю жирных. А почему Горький? Я люблю сладкое. Так, вы не против?

Она старательно играла роль недалекой кокетки. И ей это удавалось весьма неплохо.

– Боюсь, ДК перегорит, узнав, кто с нами работает.

Она приняла шутку за чистую монету, и искренне удивилась.

– Отчего это?

– Ревнивый очень, – поджал я губы, чтоб не улыбнуться. Артемиды расхохоталась. Я, не скрывая, рассматривал ее. Ей не больше двадцати пяти, не зажатая, озорные чертики в глазах прыгают. Мелированные русые волосы до плеч, очень хорошая косметика и чувство вкуса. От нее не пахло косметическими ароматами, на губах помады нет, ага... татуаж... для работающих сутками это экономно.

– Вы не женаты, Алексей? – нахально спросила она. В глазах охотничий блеск.

– Женат, – усмехнулся я, – как говорят мои родители, на работе женат.

Она заинтересованно поглядела на меня, вытянула губы, призывные, чувственные... теперь она меня будто оценивала. Наконец произнесла:

– И подружки нет?

Я чуть не покраснел и решил переплюнуть ее в нахальстве.

– Если я правильно воспринимаю ваши мысли, то теперь, кажется, появилась?

Она не отвела глаза.

– Все возможно. А вы давно страдаете телепатией?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.